

Владимир Сеницкий
По крупицам

Владимир Сеницкий

По крупицам

«Написано пером»

2014

Сеницкий В. А.

По крупцам / В. А. Сеницкий — «Написано пером», 2014

ISBN 978-5-457-88215-7

«По крупцам» – первая книга избранной лирики самарского поэта, лауреата международных поэтических конкурсов Владимира Сеницкого. Философский подход к жизни не мешает автору страстно любить и чувствовать любые её пустяки. Поэзия и музыка, как главные составляющие человеческой сущности и окружающей его природы, главная тема этой книги. Недаром составителем её является самарский бард и поэт в прозе, Николай Крупин, близкий и дорогой друг автора, выбравший из многочисленных текстов именно эти.

ISBN 978-5-457-88215-7

© Сеницкий В. А., 2014
© Написано пером, 2014

Содержание

«Вот человек...»	6
Игра в снежки	7
Этап – одиночество	8
«Зимняя дорога»	9
Прощальная баллада	11
После драки	12
«Я хотел тебя воспеть...»	13
1	13
2	14
Победы и Сомнения	15
Ложная тишина	16
«Мы в рассвет родились ранний...»	17
Засуха	18
Притяжение сердца	19
Монолог старого мастера	20
Роковое	21
Осенняя икебана	22
Вариант судьбы	23
Рифмованные верлибры рисования	25
Автопортрет графика	26
Диалогия	27
Монолог из Елабуги	29
Конец рыцарства	30
«Мой друг!..»	31
«Слова роняю невпопад...»	32
«Когда, как нож, своё коварство...»	33
«Итак, обманемся, а лучше повторим-ка...»	34
«Люблю тебя не за рубли...»	35
«Лежу разбросанный, как камни...»	36
«Ах, спасибо Аристотелю за шарик!..»	37
Лучший блюз	38
«Однажды я с другом шёл в гору пешком...»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Сеницкий

По крупицам (сборник стихотворений)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© В. Сеницкий, 2014

© ООО «Написано пером», 2014

«Вот человек...»

Вот человек.
Глух и нем.
Но при нём
скрытая искони искренность.
А у меня же
есть свой ход конём —
Исповедь.
Каждому свой конь прописан в роду.
Я за того,
кто тут первым прискачет,
но обернётся,
хотя б на ходу,
из уваженья к заезженной кляче.
Конь-победитель! Постой!
Не пируй!
Малость побудь с молчаливой старушкой.
Исповедь-книжка,
терпенье даруй.
Конь-чемпион!
Побеждённых послушай.
1979 г..

Игра в снежки

Грусти нет. Побелённый зимою,
я, как клюква, краснею лицом,
глажу землю, кручу с землёю
бигуди
и сбиваю в ком.
И кидаюсь снежками в усталость.
И усталость бежит от меня..
А вчера мне ещё казалось,
что усталость – сестра моя.
Белоснежной улыбкой покрыты
все деревья.
В серёдке зимы
за наш мир, светлой вязью свитый,
головой отвечаем мы.
Смейся солнышком красным, родная!
Белым снегом и я просмеюсь.
... А вчера мне казалось:
таю,
себе в спутницы выбрав грусть...
1975 г.

Этап – одиночество

Бьётся сердце
в чужом
ритме,
как перебойная
аритмия.
Лезут в строфы чужие рифмы:
ознакомлено с ними полмира.
Одиночество.
Одиночество!
Неужели его я поборник?
Или сбылось чьё-то пророчество,
что рожусь я чуть раньше, чем вторник?
Ведь ходил
в расстёгнутой рубаше
среди юных, как я, футболистов.
Никогда не преследовал в страхе
гордых лыжников– эгоистов.
Но ни старых друзей,
ни новых...
Приобрёл – только вновь ушедших.
От весенних листьев кленовых
шелест слышен прохожих леших.
И сижу один, замурован
в четырёх стенах.
(Как мне тесно!)
Одиночеством командирован,
словно дедушка, в книжное детство.
И только
распахнута
форточка
для возможных
ветров
розы
иль
для гола юного форварда,
разбивающего мячом
стёкла прозы!
1976 г.

«Зимняя дорога»

Рисунок по памяти.
Сотня в час.
Ах, час неровен,
и сыграем прямо к богу.
Я судьбой командирован
в эту дальнюю дорогу.
Мы в «уазике»
и в робах,
выгляда зелёной точкой, —
по навешанным сугробам
словно
по воздушным
кочкам.
Снег стучится без предела
в боковые стёкла звонко.
Он такое понаделал,
что – не видно горизонта.
Тонкой нитью
только видим
вихрь
с вихрами тихой вербы,
по дороге, вроде, едем,
а по-моему, —
по небу!
Нам «ау» кидает эхо,
отражаясь, как «уа» —
вжик!
И совсем не ради смеха
самолётик наш – «уазик»!
...И – вперёд!
Оставив где-то
эхо с поднятой рукою,
мы летим
по белу
свету
с малой скоростью такою.
Вдоль России
светло-синей,
где грозу сменили грёзы,
все в снегу
висят
осины,
и возносятся
берёзы.
Облака в корнях их стынут.
Мы – летим!

... Стоят отлого,
в память занося картину,
люди,
небо,
снег,
дорога...
1977 г.

Прощальная баллада

г. Свердловску.

... Последний раз ... по волосам...
и, засыпая,
любви полёт невольно нам
оставит память.
Разбудит утром телефон,
попросит просто.
Такая рань! Зажги плафон.
Исполним просьбу.
Мы расстаёмся – это факт:
мой поезд в десять.
Жаль, был вчера подписан акт!
Не через месяц!
... Уходишь звонким каблучком,
походкой гордой.
Я расстанусь с твоим лицом,
неверный город.
Ещё прощания на час.
И одиноким
бегу смотреть в последний раз
(мелькают ноги)
твоих творцов дворцы с торцов,
домов фасады.
Вокзал замкнёт мой бег в кольцо.
Мне так досадно.
Прохожий друг, остановись,
хочу запомнить...
Но сам бегу куда-то вниз,
в тоннель, мне поздно.
Проверил поезд тормоза.
Привет, подножка!
Пусть семафоровы глаза
промочит дождик.
Мы эту боль себе простим.
Разложим полку.
Печаль развеется, как дым...
И что в ней толку?
1978 г.

После драки

Когда обломали вам крылья,
когда посягнули на статью,
сбравши в кулак все усилья,
вы вновь
научились
летать.
И вы обрели этот опыт.
Вас будут – опять и опять...
Сил чёрных прилипшую копоть
счищая,
взойдите
светать.
Как Солнце, пытайтесь вы сами
сиять и светить на луга.
А те синяки под глазами —
лишь
синих вершин
облака!
С горы вы смотрели на реку,
и там подглядели,
как мать
столкнула детёныша:
беркут-малыш
научился
летать!
Нужна мне высокая проба,
червлёно – багряная страсть:
поскольку
враги меня – в пропасть,
а я —
научился
летать!
1979 г.

«Я хотел тебя воспеть...»

1

Я хотел тебя воспеть,
в этих сроках,
только в них
я желал тебя посметь,
в приземлённых... не земных!
И устами зашепча,
но не трогая рукой,
я тебя не сгоряча
задевал своей строкой.
Тень свечи.
Погасла спесь.
Мы сошлись.
Прошли года.
Я хочу тебя воспеть.
Не воспеть мне.
Никогда.

2

Я хотел тебя воспеть
в этих сроках:
только в них
я хотел тебя посметь,
в неразумных,
но земных.
За окном бы снег валил
и стучала бы капель.
Я б тебя одну любил
и не на словах
воспел.
Я хотел бы растянуть
мной придуманную блажь.
Чувств на деле – не стянуть.
Я таких не знаю краж.
Я хотел бы на руках
унести тебя от бед!
Но останется в веках
лишь словесный
твой портрет.
Можно в летаргию впасть...
О! Невзятый мной «редут»
неумеющего красть
в той стране,
где все крадут.
1979 г.

Победы и Сомнения

Поражения творца.
В них нужды нет.
Но победы без конца
не нужны мне.
Путь тернист, всегда тернист,
даже если
на свету, а не в тени
ваши песни.
Поражения творца —
наваждение,
но победы без конца —
поражение.
Пусть уверенность сильна —
не всеильна:
в ней умеренность нужна
и мессии.
Ты всходил на пьедестал
многократно.
Чемпион! Твой пот не стал
сладковатым?
Ты победу не предал
после боя?
Тем, кого ты побеждал,
было больно.
У побед – авторитет.
Нощно, денно
ты носи свой пиетет
к побежденным.
Все победы – как одна,
даже если
много песен, то она —
одна песня.
1979 г.

Ложная тишина

Тишь, гладь...
Нет благодати перезвона.
Немыслимо стенанья стона
понять.
Поля...
В них столько необъятной шири,
но тишь и летняя в вершине
пора.
Полям,
что им ковыль напоминает,
он по погибшим ли стенает
делам?
Гадать
в такой тиши не стоит боле,
а выйдешь во широко поле —
тишь, гладь.
Лад мук
и руки позабыты эти,
другие руки на рассвете,
клад рук.
Увы,
оставлен томик Смелякова:
здесь нету поля Куликова,
любви.
Лишь ложь.
Себе же в рожу не ударишь.
В даль уходя, чего оставишь?
Тишь? Рожь?
Но всё ж,
ты эту тишь и рожь тревожишь,
и по-другому ты не можешь,
поёшь
Повес
не всех уняли, слава богу.
И ветер в поле, ветер с боку,
где лес.
Средь рощ
стоишь ты часто, как опёнок,
и ловишь в звоне перепонок
звон рос.
Мой друг,
я исповедуюсь всё чаще,
и долетает в твои чащи
мой звук!
1979 г.

«Мы в рассвет родились ранний...»

Мы в рассвет родились ранний,
в нас — ни миссии, ни действия,
и смеётся за горами
соловиной вестью детство,
первый шаг — и радость маме,
вот уже — и наша юркость,
и надолго будет с нами
наше отрочество-юность,
молодости расстоянья,
как умеем, продлеваем,
состоянье состраданья
как-то преодолеваем,
и выигрываем ралли,
в нас — уверенность и смелость,
и лежит не за горами
то, что называют: «Зрелость»,
продолжаем строить зданья,
лес пилить на пилораме,
как предтечи состраданья —
недостроенные храмы,
к вам уже не благосклонна
жизнь, что не досостоялась,
и спускается со склона
то, что называют: «Старость»,
отшумели крики «браво»,
храм достраивают дети,
вот за этой горкой справа
ощущенье вашей смерти,
старость, зрелость, юность, детство
промелькнут последней мыслью ...
Что останется в наследство
назовётся вашей жизнью.

1980 г.

Засуха

Вода ушла из-под руки.
За каплей капля.
И разошлись её круги.
Осталась «сакля».
О! «Хижина»! Мой хилый дом —
сквозняк и солнце.
Но совесть в сердце будит стон
и дождь — в оконце.
Я помню: «крыша» протекла,
и слёзы «ставень».
Я крикнул: «Прочь!» — вода ушла,
размыв «фундамент».
«Бунгало» милое моё!
«Шале» и «Вилла»!
Вода ушла! Как без неё?
Мне «крышу» смыло!
Я вышел.
Вышел из себя!
В порядке бреда
вода, как крыса с корабля,
ушла с обеда!
Земля! Дай каплю доброты.
Уже не тайна:
из нас исчез процент воды,
процент сознания!
Я пью стаканами! Вода
ушла! Я — к крану!
Я — к океану!
В никуда
сумела кануть!
И Лета канула! Ах, чтоб...
тебя, бессмертье!
Стоит скелетом «небоскрёб»!
А кто в нём? Черти!
Где шелест трав?
Где сень дубрав?
Покинув пойму,
ушла с утра.
Из всех утрат
лишь эту помню.
1980 г.

Притяжение сердца

«Не принимай так близко... — и вздохнёшь, —
Нельзя так за меня... Не беспокойся.»
И унесёшь неложь любви, как дождь.
И будешь плакать.
Муки примет койка.
Тебя я слышу.
Слышу сквозь мораль
и сквозь моря,
что в волнах
губят сейнер.
Твоя печаль — она печаль моя.
Я это близко принимаю к сердцу.
Пусть не плоть,
пусть всего лишь крик
от немоты, что не подвластна крику,
я прижимаю к сердцу, как реликт,
как даже поминанье по реликту.
Величье Осени несёт свои плоды.
Величье Времени опять покатит к Маю.
Любовь, и гнев, и боль от немоты
я, слава богу, к сердцу принимаю.
И тем, кто все надежды потерял,
я дам надежду, обманув цунами.
«Так не-воз-мож-но!»
... Сквозь девятый вал
прижму к себе всё то, что между нами.
1980 г.

Монолог старого мастера

В.П.Катаеву.

Эпоху, что не знает Ной,
я воссоздал стезёю красной.
И на столе, и за спиной
моей горит «Венец Алмазный»
Быть может, и пора кончать,
став классиком не мнимо модным:
любую строчку шлю в печать,
мною брошенную мимоходом.
Но, давним замыслом объят,
мой бог творит.
Адам и Ева
помолодевшие опять
велят затеплить свечку слева.
Во всём посёлке гаснет свет,
и соловьи кончают трели,
и лишь совсем седой поэт,
приятель старый мой, не дремлет
И шторы на окне висят,
и треплет их вселенский ветер.
... Что делать?
Надобно писать!
Хотя «уже написан Вертер».
1980 г.

Роковое

О! Роковая!
Бывшая меня
полынно-лунным
«горько! – горько! – горько!»
Оставь меня!
Ну в чём моя вина,
что я прошёл с тобою столько, сколько
уже никак мне больше не пройти?
И, видит бог (я не виню в том бога!),
всё то, что было на твоём пути
и на моём пути,
то – было плохо.
Отликовал!
Любившая меня
и всех других, кого звала «мальчишкой»,
оставь меня!
Ведь есть уже она,
кому всё знать, наверно, будет слишком.
Отликовал!
Пусть «горько!»
Пусть сгорел!
Но в новой той,
не терпящей лишений,
остаток сердца бьётся, как пострел.
Хотя она не станет совершенней!
Отликовал!
И всё-таки мне петь!
И песнь моя опять любовью станет.
О! Роковая!
Я хочу тебе
любви... желать.
Пусть сердце не устанет.
О! Женщина! Жена!
Мой след – к тебе,
проторенный и мною, и – тобою.
Останься, я прошу, в моей судьбе
не роковой...
последнею любовью!
1980 г.

Осенняя икебана

В этом собранном букете —
стебельки сухой травы
и листвы
былой на свете
осени и синевы.
Все подобраны твоею
несрывавшею рукой...
Осенью былой болею
в ожидании другой.
Хоть и высушен букетик,
и разглажен утюгом,
сохранил он многоцветье
в этом времени другом.
И в глазах моих мелькают
красный, жёлтый, бурый цвет, —
о тебе мне намекают.
Но тебя покуда нет.
Но вернёшься-обернёшься:
в дверь звонит твоя рука,
а в другой — земная ноша:
хлеб, бутылка молока.
И ещё...
А кто — не знаем...
кто появится на свет,
будет мной, тобою, с нами...
Но его покуда нет.
Почему не в каждой паре
свет рождается большой?
Почему он, как гербарий,
с очень ломкою душой?
Как сигнал беды мигает
красно-жёлтый твой букет.
О тебе мне намекает.
Но всё нет тебя и нет!
Но вернёшься-обернёшься
ты с последнею строкой.
Тянется земная ноша
в ожидании другой.
1981 г.

Вариант судьбы

Свистопляска!
Свистопляска!
Юбки!
Чарки!
Серьги!
Жить без ласки?
Моя сказка!
Брось!
Какие деньги?
В табор вложены купюры —
в новенькую повесть!
Пусть
летят они,
как пули,
убивают совесть.
Губки шепчут,
как хлопчат!
Плечики!
Станочек!
Эх, взовьюсь я этой ночью
над тобой,
как кочет.
А покуда шуры-муры
подождут.
Над миром
вне большой литературы
я с цыганским пиром.
Здесь совсем другие лица,
закусон — не вилкой,
и вино не как в столицах.
Наливай, Василко!
Ящики исходят пивом!
Эй, тащите тару!
Лишь одна мольба над пиром:
не ломай гитару!
Этот табор, как и прошлый,
знаю-знаю
ушлый!
Но и я ведь парень дошлый —
залезаю в души!
Азы!
Верки!
Мои Лорки!
Милые купавы!
Вместе спали,
а на зорьке

мне коней купали!
Что готовите на завтрак,
милые девчонки?
С рук сойдёт?
Иль мне назавтра
отобьют печёнки?
И, разгорячённым телом
улетая в бездну,
с табаком, пропахшим делом,
я от вас исчезну.
И без всяких «до свиданья»
Побегу на поезд,
продолжать без опоздания,
(но другую!) повесть.
Там, в купе мои надежды
вновь испишут листик,
а поэт, сменив одежды,
снова станет критик.
Милая литература!
Подчинённый гвалту,
критик (робкая натура)
нацепляю галстук.
Тары-бары-растабары,
трубки – не сигарки,
ни вина и ни гитары,
ни моей цыганки...
... С верой, с правдою
(иль с Веркой?!),
иль в обнимку с горем,
плачет над своей «Венгеркой»
Аполлон Григорьев...
1981 г.

Рифмованные верлибры рисования

Астрономы и математики рисуют
гиперболы, синусоиды, эллипсы...
а также две параллельные прямые,
которые пересекутся в бесконечной звёздной вечности.
Физики и химики рисуют
цепочки формул,
отражая явление, дух и тело вещества.
Поэты, прозаики и прочие художники рисуют
точку соприкосновения зла и человечности.
А сатирики рисуют
общую кривую усмешки всего человечества.
Любовь рисует любовь,
ибо жаждет ответного чувства.
Ненависть рисует исход,
где придётся своей же рукой убивать,
чтобы не спасовать.
Нравнодушные люди рисуют чувства,
хотя, как это ни грустно,
многие из них
так и не научатся рисовать.
1981 г.

Автопортрет графика

Рисунок чёрной тушью.

Светел мой образ,
как штамп, узаконен.
Пахнет подлогом
и некрологом.
Светел и... тёмн.
И – не на иконе:
в дверном проёме и над порогом.
Как я высок!
Как, по-прежнему, мал я!
Как ужились во мне кони и пони?
Вот что душа моя не понимала.
В красках скупых я жизнь свою понял.
Лбом ушибался,
и над косяками
вновь возвышался чёрной макушкой,
и рисовал на бумаге штрихами
лес,
просвещённый чёрной кукушкой.
Цвет снизошёл,
ибо был приумножен
скупостью гаммы, мудростью линий.
Стали гипербола с графикой схожи:
чёрный рисуешь – мыслится синий!
Образ мой сжат в рамках тёмного света!
Но не глядите так уж с опаской:
всё, что поймёте вы в рамках запрета,
вы заполняйте светлою краской!
Чёрными будут скакать до упаду
на белом фоне рыжие кони.
Краски тайком изливают досаду:
«Лоно земное чёрным заполнил!»
Как различают в чинах нас и рангах!
Но проживу меж богом и чёртом
в этих уже неизменчивых рамках —
в траурно-светлом,
в радужно-чёрном!
1981 г.

Диалогия

1. Монолог Музы.

Он на площади центральной
мне стихи читал,
над нею
и планетою глобальной
на руках носил.(Я млею!)
Позже, в тихом переулке
я, как маленькая крошка,
попросилась вновь на руки:
«Поноси ещё немножко.»
Как нас лихо закрутило!
И у лавочки под сенью
я смеялась и шутила:
«Вовка! Опустим на землю!»
Отгремели Мендельсона...
Плачет маленький Серёнька.
А на кухне виснет сонно
двадцать первая пелёнка.
«Вовка! Ты пойми, мой Вовка,
что счастливая усталость,
притворяясь так неловко,
понимает, что нарвалась...».
Я за швабру, как за заступ...
И плита зовёт и просит...
Хоть помог бы по хозяйству!
Нет же! На руках всё носит!
А стихи заносят в небо!
... Семь потов, всё тех же семь лью.
А в глазах – осатанело:
«Вовка! Опустись на землю!»
Соберу его на службу,
что давно ему – обузой.
И ни в службу, и ни в дружбу
стала я законной музой.
Ожидает нас зарплата
маленькая (но не очень),
перекраиванье платья,
перекраиванье строчек.
Как же так могло случиться,
что в любовь всем сердцем верим,
а обыденность стучится
в крышу, в окна, в стены, в двери,
а толпа в окне живая
от гудка гудку лишь внемлет:
всё, что можно, прожевала,
и молчит, идёт и дремлет,

что поэзия не чьё-то
торжество ума и духа,
если по большому счёту,
то – обыденная штука???

Я натягиваю «тогу»,
ласкам более не внемлю
и кричу ему, как богу:
«Вовка! Отпусти на Землю!»

И заломлены, как ветви,
руки,
слёзы зреют сливой...

... Только как прожить на свете
без поэзии счастливой?!

2. Монолог поэта.

«... и заломлены, как ветви, руки...
Слёзы зреют сливой, как ... чернила...»

О строка, рождённая в разлуке,
жизнь моя тебя не очернила?
Жизнь моя тебя благословила...
на четыре стороны...(в придачу).
Ты же возвращалась и ловила
за рукав меня!

Пишу и ... плачу.
О строка к строке – как будто камни!
Между строчек пролегают годы,
чтоб потом, в одной сливаясь капле,
стать ребёнком у одной погоды.
Я их в долгий ящик запираю —
годы домогательств,
строки-рохли.

Мщу стихам: пишу – не промокаю,
чтоб они по мне подольше сохли!
Строки мстят – нестройным рядом длинным,
ждут расплаты
иль растраты мига,
где они в одном лице едином —
мой ребёнок, дерево и книга.

«... и заломлены, как ветви, руки...»

Белый лист бумаги и чернила...
И перо не взято на поруки:
ничего ещё не начертило.
О стихи!
Не высвистаны выси!

Друг пред другом долг всё не оплачен.
Мы живём на расстояньи мысли
и творим друг друга.
Или – плачем.

1981-82 г.

Монолог из Елабуги

Памяти М.И. Цветаевой

Вернулась. Бельё постирала
здесь в речке: висит на ветру.
Стирала я, а не стенала:
не знала, что завтра умру.
Вчера, мне казалось, вернулась!
Прощалась с тобою, Париж!
Сегодня навечно проснулась,
коль вечности принадлежишь.
А Родиной снова не светит!
Служи сам себе маяком.
И осень позорно отметит
приезд твой одним сквозняком.
Все доводы веские – зыбки.
Души оправдания, круши.
России сплошные ошибки
уводят людей от души.
О! Дважды входившие в воду!
Коллеги, куда ни копни!
Нет ходу. В любую погоду
река вам отрежет ступни!
О! Ветер! Холодный! Державный!
Всё дующий из-за угла.
А гвоздик в дому, хоть и ржавый,
всё выдержит, что не смогла!
Плачь, тело – залётная птица!
Душа, ты отныне вольна!
А веку вовек не простится
за то, что ты платишь сполна.
1983 г.

Конец рыцарства

Было время – были волосы пышны,
было зренье, были юны и умны.
Было время – наше время, петухов!
Было бремя неотпущенных грехов.
Днесь прощаем всем всё сразу. Ерунда!
И теряем. Их. Любимых. Навсегда!
Критикуем разве только молодых,
всех огулом. А они нас бьют под дых!»
Облысение – словно ясность от ума.
Свет осенний нас не греет, как туман.
До озноба жизнь продрогла без плаща!
Что, зазноба, пролетаешь? Ну, прощай!
Нету жалоб: бились шпагой, но плашмя.
От пожаров есть песочек и кошма.
Деловые отношения на дворе!
Тыловые отношения вдвойне!
Ну ещё бы, чтобы зрелость – напролом
сквозь чащобы, непролазный бурелом?!
... Но цепляет за рубаху старый куст:
исцеляет – только память наших чувств...
1984 г.

«Мой друг!..»

Мой друг!
Во мне ль живёт испуг
за наши прегрешенья и обиды?
Вокзал.
И кто-то вдруг... сказал,
что всё прошло, и наши карты биты.
Мой путь
с возвратом. Не забудь!
И – в угол чемодан. Я снова дома!
Пусть дом
наш снят, но дело в том,
что... наплевать. Моя... к тебе бездонна!
Свет мой!
Приехал я домой.
Иди ко мне. Поговорим за чаем.
Сосед
(хозяин!) гасит свет.
А мы в ответ – свой тихо излучаем.
Наш сын
цветёт, как апельсин.
Совсем не зря мы наши ночи пели.
Что ночь?
Ведь ты же – моя дочь!
Ваш сон храня, качну две колыбели.
И вновь
боясь позвать..., как встарь,
тебя я только обнимаю пуще.
Что страсть?
Ведь ты – моя сестра!
(хоть и досадно, что ... полы скрипучи).
1985 г.

«Слова роняю невпопад...»

Слова роняю невпопад,
а сам слоняюсь в листопад,
не замечая голых веток.
И принимаю (без вранья!)
за листья свору воронья.
Мой глаз – незряч. Язык – неметок.
О дар доверия! Ты редок!
Твой взор, не ведая отметок,
всему поверит как-нибудь.
Как ваши оценить надежды,
а с ними модные одежды,
что прикрывают вашу суть?!
1986 г.

«Когда, как нож, своё коварство...»

Когда, как нож, своё коварство
покажет високосный март,
от сплина не найдёшь лекарства
в гитарных переборах, бард!
И вот иные переборы
стучат в затылок и висок.
И ты, обматерив просторы,
в апреле снова не просох.
Пусть май вновь заголит коленки
прохожих ветреных подруг,
твой взгляд отпрянет, как от стенки,
ему, больному, недосуг.
Пока весна других тревожит,
в ночи свой распуская сад,
не спит и больше спать не может,
идёт-бредёт твой снегопад.
1996 г.

«Итак, обманемся, а лучше повторим-ка...»

Итак, обманемся, а лучше повторим-ка
всё то, что можно очень долго продолжать.
Квартира, комната и кухня – вроде ринга.
Чему же, собственно, так тянет подражать?
Как много горького в тех пройденных этапах.
Давай проветрим кубатуры старой круг.
Никто не мог из нас ходить на задних лапах.
И в этом равенстве – вся мудрость, милый друг!
Губами чуткими к моим губам притронься.
Как странно, милая, что чувство вновь парит.
Но очень добрый гений твоего притворства
мне о любви одной лишь только говорит.
И, бесконечно продолжая наши гонки,
опять налаживая в жизни общий ритм,
давай пытаться вновь в безумном эпигонстве
мгновенья прежние с тобою повторить.
1997 г.

«Люблю тебя не за рубли...»

Люблю тебя не за рубли,
за всё, что встало в горле комом,
за всё у нас, как комом блин!
Ведь я – совсем не хитрый Коман.
Люблю безбожно и светло
тебя за двести километров,
что мой язык – не помело,
а только дуновение ветров.
Спасательный мне кинув круг,
спасёшь меня, я знаю, снова!
И ты, о бусинка, мой друг,
для нас рассыпаться готова.
О боже! Как тебя люблю!
Готов идти на унижение.
Воздушный поцелуй ловлю,
от жажды весь – в изнеможении!
Молю глазами: «Не грусти!»,
но молча, как собака, ибо
не в силах вымолвить: «прости!»,
или сказать: «за всё спасибо!»
1997 г.

«Лежу разбросанный, как камни...»

Лежу разбросанный, как камни,
и бородатый, как марксист.
Жмёт в бок замлевшая рука мне,
лишь нос задирист и мясист.
Он служит слабым утешеньем,
но верный признак подаёт
и чует с призрачным движеньем,
что в кухне кто-то поддает.
И заставляет приподняться
над грустным фактом бытия,
дойти до степени понятия:
чтоб жить здесь, должен пить и я!
подняв штаны и майку с пола,
найдя на полочке очки,
и добредая до застолья,
всем доказать – мы не сачки!
Ах, как же тяжело удаётся
в разрухе волю наскрести,
внушить, что всё здесь перетрётся,
и в шутку всё перевести!
Но по кусочкам, неустанно,
себя собираю, словно рать,
и рано или поздно встану,
рождённый камни собирать!
1997 г.

«Ах, спасибо Аристотелю за шарик!..»

Ах, спасибо Аристотелю за шарик!
Я могу теперь собраться в кругосветку,
на природу! И никто не помешает
ветку вербы целовать мне, а не Светку.
Не оставлю дома преданно записку.
И шагая так уверенно на воле,
буду долго на зубах катать ириску.
А Иринку – поищите ветра в поле!
Глаз и сердце отдыхают на просторе.
И когда я замечательно устану,
хорошо лежать на поле буду – флоре,
а на фауне, на Поле – я не стану.
Убегу я от церковного елея
и – от плотского со свойственной мне ленью.
Липы лист смолой на нос себе приклею.
Липнуть брошу или клеить я Елену.
Сеанс воздушных ванн получше ванны с Анной
я приму. Их не заменят даже вина,
что невинно пил с Наташей и Татьяной.
Не завидуйте, прошу, Наташе, Нина!
Ах, Любовь, Надежда, Вера! Не поверю
милым девушкам. Оставьте меня, люди!
Пробежаться по тропе позвольте зверю.
И привет передавать не нужно Люде.
До чего ж люблю вас всех я! Вот – умора!
Но, прислушиваясь только к ветра пенью,
загорать начну на галечке у моря,
а на Галечке– жене – еще успею.
1998 г.

Лучший блюз

Этот лучик,
проникающий в окно,
«будет лучше», —
обещают нам давно.
«Будет лучше, будет лучше...» —
убеждаюсь я,
хлеб крошу и подзываю воробья.
В грязной куче
дней постылых и пустых
только тучи
опускались на кусты.
«Будет лучше, будет лучше...» —
я шепчу и гнусь,
проползаю, продираясь через гнусь.
Если круче
вновь затянутся болты,
опер всучит
ордер тем, кто был болтлив.
«Перебьёмся! Будет лучше!» —
брошу подлецу
и коленкой двину по его лицу!
Этот лучик,
что касается ресниц,
будит лучше,
лечит лучше всех больниц.
«Будет лучше, будет лучше...» —
бормочу со сна,
потому что на дворе уже весна!
1998 г.

«Однажды я с другом шёл в гору пешком...»

Однажды я с другом шёл в гору пешком,
с ним был – на вершине.
Когда же спустился – стал старым мешком
навек отныне.
Приятель мой с поезда раз сиганул.
Я не растерялся,
вслед бросившись, глазом, отнюдь, не моргнул.
(Потом испугался).
По Волге «амфибию» вёл я лишь раз.
Руль вновь мне не снился.
Я в море красивую девушку спас,
на ней – не женился.
Любя математику, враз порешил
такую заразу:
я всем конкурентам задачи решил,
но только – по разу!
Глоток лишь один делал спекшимся ртом,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.